

ОДЬГА  
**ВОЛОДАРСКАЯ**

ХРУСТАЛЬНАЯ  
**ГРОБНИЦА**  
**БОГИНИ**



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос = Рус)6-44  
В68

Редактор серии *А. Антонова*  
Оформление серии *С. Курбатова*

**Володарская, Ольга.**

В68 Хрустальная гробница богини : роман /  
Ольга Володарская. — Москва : Эксмо,  
2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-230929-8

Эва была не просто моделью, а БОГИНЕЙ глянце-  
вых журналов, властительницей душ фотографов,  
идолом сотен тысяч женщин и мечтой миллиона  
мужчин. Эве поклонялись, ее обожали, ей подража-  
ли. Конечно, многие завидовали и недолюбливали ее.  
Но один человек ненавидел. Ненавидел так сильно,  
что собирался убить. Естественно, это была женщи-  
на. Женщина с множеством имен! За свою полную  
кошмаров жизнь она ни один раз их меняла. Но сама  
предпочитала называть себя Фемидой — богиней  
правосудия...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230929-8 © Володарская О., 2026  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Жилой комплекс «Горный хрусталь» и все произошедшие в нем события — вымысел автора. Как и все персонажи этой книги.*



# Часть первая

## Глава 1

### НЕОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАЮЩИЙ ТРУП

Эва проснулась от собственного храпа. Раскатистого, громкого, kloчущего, с хрюканьем на вдохе и кряканьем на выдохе. Так мог храпеть столетний старик или гайморитник, но только не молодая здоровая женщина, к коим Эва относилась. Но она храпела! После не очень удачной ринопластики позорное хрюканье-кряканье вылетало из нежного Эвиного рта каждую ночь. Позорное, потому что эти раскатистые трели не вязались с ее имиджем САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СВЕТЕ и титулом БОГИНИ, присваиваемым ей из года в год читательницами журнала «Эль».

Эва привстала с кресла, чтобы проверить, не слышал ли кто жутких звуков, но, на ее счастье, все пассажиры самолета спали. С облегчением переведя дух, она опустилась обратно на сиденье, наклонилась, чтобы поправить плед, сползший на пол, и тут же уперлась огромными силиконовыми грудями в спинку впереди стоящего кресла.

«Черт, черт, черт! — выругалась Эва мысленно. — Зачем я согласилась на эти дыни? Со среднестатистическим вторым было бы гораздо удобнее!» Но Дуда, ее агент и лучшая подруга, настояла на четвертом, внушив своей подопечной мысль о том, что если она с возрастом поправится хотя бы на пару килограммов, то со своим вторым будет похожа на спринцовку. А так как Эва всю жизнь мечтала иметь

фигуру под названием «песочные часы», то согласилась на кошмарные по размеру имплантаты. Теперь мучается!

Стоило Эве втиснуть свои груди между креслом и коленями и схватить наконец плед, как к ней на плечо опустилась рука с устрашающе длинными, матово-черными, украшенными стразами ногтями.

— Дуда, как ты меня напугала! — выдохнула Эва, хватаясь за сердце. — Ты чего бродишь?

— Я должна тебе кое-что сказать... Что-то нехорошее...

— Ты слышала, как я храпела? — опасливо протянула она. — Или кто-то другой слышал?

Дуда отрицательно замотала головой и трагическим шепотом выдала:

— У нас страшное несчастье...

Зная, как Дуда любит драматизировать, Эва сразу решила, что «страшное несчастье» окажется всего лишь мелкой неприятностью, посему спокойно поинтересовалась:

— Что-то с гримом?

— Хуже, — выдохнула Дуда. — Пошли... Только тихо, чтоб никого не разбудить...

Эва осторожно сползла с кресла, шагнула в проход и пошла за Дудой в хвост салона.

Самолет, на котором они летели, был маленьким, поднимающим на борт не больше пятнадцати пассажиров. Принадлежал он компании «Дары Севера», специализирующейся на изготовлении и продаже меховых изделий, кои Эва должна была рекламировать в течение ближайшего года. Гонорар ей посулили немислимый, из-за чего она, собственно, и согласилась работать на малоизвестную фирму — в последнее время она сотрудничала только с гигантами косметической индустрии и сетью ювелирных магазинов «Диамант». Всякие мелкие заказчики, типа провинциальных шоколадных фабрик, пивных компаний из ближнего зарубежья, китайских фирм — производи-

телей бытовой техники, только мечтали о том, чтобы их товар рекламировала САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ. Но они не могли себе этого позволить, так как Эва была не просто «вешалкой» или безликой куклой из каталога — она была богиней глянцевого журнала, властительницей душ фотографов и идиолом тысяч начинающих моделек...

Но генерального директора «Даров Севера» не смутил ни ее статус, ни сумма затребованного гонорара. «Нашей компании нужны именно вы!» — сказал он, подписывая контракт, где фигурировали цифры с шестью нолями. Было только одно условие, на котором заказчик настаивал: съемки рекламного ролика и фотосессия должны проходить в определенном месте, а именно в поместье владельца фирмы (расположенном не на Севере, как следовало ожидать, а на юге: где-то в горах Кавказа). Как раз туда они сейчас и направлялись. Они — это Эва со своей привычной свитой и команда рекламщиков, к которым присоединилась то ли ассистентка, то ли секретарша хозяина фирмы. А так как вылететь пришлось в четыре ночи, все уснуло сразу после посадки, и теперь, идя по проходу в хвост салона, Эва слушала разнотональное похрапывание.

— Куда ты меня привела? — шепотом спросила Эва, закончив путь у туалета — именно он находился в хвосте салона. — В сортир?

Дуда, ни слова не говоря, взяла Эву за плечи, развернула на пол-оборота и подтолкнула к стоящему особняком креслу. На нем сидел мужчина, лицо которого скрывали длинные нечесанные волосы, упавшие с затылка на лоб и спускавшиеся до середины груди.

— Вот, — коротко сказала Дуда, ткнув в незнакомца пальцем.

— Что «вот»? Это наше страшное несчастье? Какой-то спящий бомж? — Эва не без брезгливости покосилась

на грязнущие джинсы мужчины и вытянутые резинки его несвежих носков. — Да, я понимаю, человек этот мало приятен, но зачем же драматизировать...

Дуда шагнула к мужчине, убрала с его лица волосы. И тут Эва увидела то, что так напугало подругу: огромную рану на шее, из которой на грудь натекло кровавое пятно, похожее на манишку. Зрелище было кошмарным!

— О господи! — Она отшатнулась. — Что с ним?

— Мертв.

— Конечно, мертв! — раздался за их спинами молодой мужской голос. — С такой раной долго не протянешь!

Когда Эва обернулась на голос, то увидела перед собой высокого парня с мелированным чубом и тщательно ухоженной щетиной — он вскочил с ближайшего кресла.

— Привет, — бодро проговорил парень. — Меня зовут Аполлон. Можно просто Пол.

Эва и Дуда растерянно кивнули. Аполлон же шагнул к покойнику и принялся рассматривать рану. По прошествии минуты он вынес вердикт:

— Подошли сзади, задрали голову, чиркнули по шее острым ножом... А вот и он! — Пол подошел к столику, уставленному посудой: тарелками, чашками, фужерами, графинами, в одном из них, наполненном апельсиновым соком, рукояткой сверху торчал нож. — Для резки фруктов... Самый острый из имеющихся в наличии...

Дуда потянулась к рукоятке, чтобы рассмотреть орудие убийства, но Пол перехватил ее руку:

— Нельзя! Вдруг остались отпечатки!

— Да, действительно, — растерянно протянула Дуда, отдергивая руку. — Я не подумала об этом...

— Вы знаете, кто этот чувак? — спросил парень, указывая на тело.

Дуда наклонилась к мертвецу, отдернув штору из волос, посмотрела в его лицо и покачала головой:

— Нет, он не из нашей команды.

— И не из нашей.

— А вы, собственно, кто? — Дуда смерила Пола не очень почтительным взором. — Стюард, что ли?

— Я модель, — с достоинством изрек тезка греческого бога. — Но временно работаю менеджером в «Мехах России».

— В качестве кого же вы летите? — подала голос Эва. — Модели или менеджера?

— Понимаете, в чем дело... — Он облизнул языком пухлые губы. — Наша хозяйка...

— «Дарами Севера» владеет баба? — не поверила своим ушам Дуда. — А мне сказали, какой-то старый английский хрыч...

— Он умер в прошлом году. И фирма перешла по наследству его жене — Элене Рэдрок.

— Она тоже англичанка?

— Понятия не имею. Я ее ни разу не видел. Даже на конкурсе красоты ее не было — вместо себя помощницу прислала. Очкастую такую... Она и сейчас с нами... — Он пошарил взглядом по салону и, отыскав глазами спящую в одном из кресел их ассистентку, добавил: — Вон она.

— А что за конкурс? — полюбопытствовала Дуда. — И почему ваша хозяйка должна была на нем присутствовать?

— Потому что именно она решила провести его. Дала указания генеральному, чтоб устроил конкурс красоты среди работников фирмы. Главный приз — тысяча долларов и возможность сняться в рекламе с самой Эвой...

— И ты, значит, его выиграл?

— Да! Теперь главная мужская роль в клише моя.

— Я что-то не припомню, чтобы в сценарии фигурировал какой-то парень... — Эва вопросительно посмотрела на Дуду. — А ты?

— А я помню. Во втором эпизоде тебе должен подать шубу слуга-якут. Он, наверное, будет его играть.

— Кого-кого я буду играть? — хмуро переспросил Пол.

— Чукчу из обслуги.

— Мой дедушка-грузин перевернется в гробу, — простонал он.

— Так ты грузин?

— Да. По отцовской линии. Моя фамилия Горидзе.

— А имя почему греческое?

— У меня деда Аполлоном звали. И его деда. Так что никакое оно не греческое. Обычное грузинское имя...

Тут женщина, спящая в ближнем кресле, завозилась, и Пол резко замолчал. Приложив палец к губам, он приказал Эве с Дудой последовать его примеру. Девушки послушно притихли, стараясь даже дышать через раз. Когда пассажирка утомилась, Пол заговорил почти беззвучным шепотом:

— Значит, вы не знаете, кто наш жмурик?

— Я понятия не имею, откуда он взялся в самолете, — ответила Дуда. — Я знаю всех ребят из съемочной группы, он не с ними...

— Он не с ними, не с вами, не с нами, тогда с кем?

Эва призадумалась. В отличие от Дуды она не смогла бы узнать каждого из членов съемочной группы (все осветители и помрежи были для нее на одно лицо), но верила ей на слово. Значит, мертвый парень не рекламщик. И не представитель заказчика, за это поручился Пол. Не стилист, не парикмахер, не костюмер, не инструктор по йоге — уж своих-то придворных супермодель знала прекрасно, как-никак не первый год таскает за собой во все поездки. Кто остается? Команда: два пилота и стюардесса... Мертвец точно не стюардесса, но и на пилота не тянет. Значит, какой-нибудь механик или техник.

— Может, он член экипажа? — озвучила свое предположение Эва. — Какой-нибудь механик...

— Не смейся мои коленки! — фыркнула Дуда. — Его лохмы и фени на запястье говорят о принадлежности к богеме... И руки у него нежные, как у пианиста! Или фотографа...

— Я поняла, — выдохнула Эва. — Как ты про руки фотографа сказала... Это новый ассистент Матильды. Как мы про нее-то забыли?

— Кто такая Матильда? — встрял Пол.

— Фотограф. У нее жуткий характер, вот от нее все помощники и бегут. С ней никто не хочет работать еще и потому, что платит она мало, а требует много, в том числе секса после каждой фотосессии...

— Для ассистента наш жмурик староват, — засомневалась Дуда. — Ему далеко за сорок!

— А мне показалось, не больше тридцати, — сказал Пол.

— У него просто рожа детская, но башка вся седая и морщин полно.

— Когда только разглядеть успела? — поразилась Эва.

— У меня глаз — алмаз, сама знаешь.

— Я тоже не могу пожаловаться на зрение, но лица я даже не увидела... Эта рана... Я смотрела только на нее... — Эва шумно вздохнула. — Надеюсь, при жизни он был не очень красив... Мне особенно жалко молодых и красивых...

— Да какой там! — Дуда закатила глаза. — Толстощекий, небритый, нос пуговкой, а на щеке бородавка...

— Бородавка?

— Ну родинка висячая... — Она передернулась. — Гадкая такая! С волосами!

Услышав о волосатой родинке, Эва вздрогнула. Помнится, знавала она когда-то человека с подобной... Его звали Кешей. Он был отличным фотографом, ее другом и врагом — точнее, сначала другом, потом врагом. Насколько

ей было известно, сейчас он сидит в тюрьме, но, кто знает, может, его выпустили...

— Дудочка, — осторожно спросила Эва, — а тебе лицо этого мертвеца не показалось знакомым?

— Показалось, знаешь ли... — Дуда с сомнением посмотрела на покойника. — Только не пойму, где я его раньше могла видеть...

— А ты посмотри еще раз, — предложил Пол. — Вдруг узнаешь...

— Правильно, — кивнула головой Дуда.

Она подошла к покойнику, убрала с его лица волосы и, придерживая их рукой, стала рассматривать мертвые черты.

— Нет, не знаю, — досадливо протянула она. — Знакомое что-то... Но никак не могу вспомнить, где видела... Может, когда на съемках пересекались...

— Пусть Эва тоже посмотрит, — внес очередное предложение Пол. — Не исключено, что у нее память лучше...

— Нет, нет, нет, — запротестовала Эва. — Я не хочу! Это так ужасно!

— Надо, девочка моя, — отрезала Дуда, отходя в сторону и указывая на лицо покойника. — Что скажешь?

— Какая кошмарная рана...

— Да ты не на нее смотри! А на физиономию!

Эва перевела взгляд на лицо мертвеца. Полное, довольно приятное, морщинистое у глаз, с безвольным подбородком, покрытым мягкой желтоватой бородачкой, с маленьким ртом, выпуклой родинкой...

— Я знаю его, — прошептала Эва, разглядев все черты до единой. — Он сильно изменился, постарел, потолстел, но я узнаю его...

— И кто это? — с любопытством спросил Пол.

— Это Кеша. Человек, который сделал из меня БОГИНЮ...

## Глава 2

### ДО ТОГО, КАК СТАТЬ БОГИНЕЙ

Эва не родилась красавицей — синюшный комочек с тонюсенькими ножками пугал своей чахлостью даже мать. И ребенком она была посредственным: худым, головастым, часто моргающим. Подросток из нее вышел и того хуже: длинный, нескладный, угловатый, с прыщами на лбу. Вступив в пору половой зрелости, Эва немного расцвела — округлилась, помилела, лицо очистилось. Свое совершеннолетие разменяла уже в статусе «приятной девушки», коей оставалась до двадцати одного года, то съезжая к «дурнушке», то подтягиваясь к «симпатяге».

Родилась и выросла она в Митине. Окончив школу на четверочки, поступила в педучилище (там был самый маленький конкурс, вот и пошла), отучилась в нем два года, защитила диплом. Получив корочки на руки, забросила на самую верхнюю полку антресоли и больше о них не вспоминала. Преподавание оказалось не ее призванием. А что было ее, она и сама не знала. Ребенок без талантов — так о ней говорили все, включая отца, который сам отличался чрезмерной одаренностью: и рисовал, и играл на гитаре, и пел, и пек самые вкусные на свете пироги. Но Веля (именно так ее звали родные) пошла в мать, на редкость бездарную женщину, однако в отличие от нее была весьма посредственна внешне: матушка отличалась небывалой привлекательностью, за что, собственно, ее любил муж, а также сосед по лестничной клетке, к которому она в итоге ушла от своего талантливого супруга...

Веля окончила училище в девятнадцать. Два года сидела у родителей на шее, подрабатывая распространением биодобавок, пока мать не пристроила ее в косметический магазин своей старой приятельницы.

Магазин только готовился к открытию. Продавщицы пока расставляли товар по полочкам, а его хозяйка Маргарита Павловна занималась организацией презентации, на которую, кроме гостей, пригласила еще и профессионального фотографа.

В день открытия продавщицам выдали униформу: хорошенькие корсетные платьица и цветные парики. Веле достался черный. А так как от природы она была желтоглазой шатенкой, то смоляные волосы ужасно не шли к ее бледному лицу. Пришлось девушке ярко накраситься: нарисовать брови, обвести глаза, а губы сделать вишневыми. Сделав непривычный макияж, Веля встала перед большим зеркалом и, внимательно рассмотрев свое отражение, констатировала:

— Я стала похожа на проститутку...

— Ты стала похожа на человека, — не согласилась с ней одна из коллег. — Тебе очень идет. Посмотри, когда акцент на глазах и губах, незаметно, что у тебя длинный нос!

— Только с грудью надо что-то сделать, — подала голос другая. — Корсет предназначен для того, чтобы утягивать талию и поднимать грудь. С талией у тебя все в порядке, а вот поднимать нечего...

— И что же делать? На пластическую операцию нет ни денег, ни времени...

— Ничего... Мы тебя сейчас за две минуты прооперируем. И совсем бесплатно. — Она отстегнула от своей кофточки плечики, сунула их в вырез Велиного платья со словами: — Поролон — это силикон для бедных! Рекомендую...

Веля хотела вытряхнуть из выреза этот «силикон», а лицо умыть, но тут в подсобку заглянула Маргарита Павловна и зычно крикнула:

— Девки, на выход! — Увидев, что Эвелина замешкалась, она рывкнула: — И быстро! Фотограф ждет!

Он и вправду ждал: стоял в зале с нацеленным фотоаппаратом. Аппарат был отличным («Никон» с большим объективом), а фотограф плохеньким: шуплым, маленьким, с кучым хвостиком на затылке, желтоватой щетиной, бледным ртом, близорукими глазами и противной волосатой родинкой на щеке... И одет был как-то бедно: в джинсики потертые, кеды стоптанные, рубашонку фланелевую и куртку из кожзама. Даже не верилось, что он профессиональный фотограф экстра-класса (именно так отрекомендовала его Маргарита Павловна).

— Ну-ка, девицы, улыбнитесь! — вскричал он, увидев девушек сквозь призму фотоаппарата. — Дядя вас щелкнет!

«Девицы» послушно растянули рты. И только Эвелина сомкнула губы и отвернулась — она не любила фотографироваться. Но она все же попала в кадр! И в тот миг, когда изображение неумело накрашенной продавщицы перенеслось на пленку, колесо Фортуны со скрипом повернулось в Велину сторону. Судьба ее была предрешена. Теперь ей оставалось подождать два дня, чтобы узнать об этом...

\* \* \*

Когда Эвелина пришла на работу после выходных, ее сразу позвала к себе в кабинет Маргарита Павловна.

— Ну, девонька, поздравляю, — сказала она, как только Веля появилась на пороге. — Тобой заинтересовался фотограф... — Маргарита Павловна кинула через стол гляцевый снимок. На нем была изображена сурово нахмуренная Эвелина. — Сказал, что у тебя необычное лицо. Просил тебя приехать к нему в студию. — Она перевернула фотографию, на обратной стороне которой обнаружилась запись, и ткнула в нее пальцем: — Вот адрес. Поезжай прямо сейчас. Я тебя отпускаю.

— Но это какая-то ошибка...

— Я тоже так думаю. Но съездить ты должна. Я этому заморышу с «Никоном» обещала... Так что дуй давай! — Она махнула рукой. — Но завтра чтоб была на работе!

И Веля дунула.

Студия располагалась на станции метро «Первомайская». В грязно-желтом девятиэтажном доме, что стоял в двух шагах от подземки.

Веля зашла в первый подъезд, поднялась на последний этаж, постучала в дверь под номером 36 — звонка она обнаружить не смогла.

Открыли не сразу, а только спустя несколько минут.

— Кого тебе? — неприветливо спросил хозяин квартиры, вырисовываясь на пороге.

— Вас, — растерянно протянула Веля.

— Ну и чего тебе от меня надо?

— Вы хотели видеть вот эту девушку? — спросила она и показала ему свою фотографию.

— Хотел, а тебя на кой черт прислали? Сказать, что она не сможет прийти? Так можно было бы позвонить...

— Она — это я.

— Не понял...

— На снимке я! — Веля стукнула себя кулаком в грудь. — Я, понятно?

Фотограф отошел на шаг, прищурился.

— Не может быть, — отрезал он. — Я знаю, что некоторые дурнушки могут прекрасно получаться на фото, но чтоб такая серая мышь выглядела королевой...

Обиженная Эвелина развернулась, чтобы уйти, но фотограф схватил ее за локоть и втащил в квартиру.

— Тебя как зовут? — спросил он, едва девушка оказалась в прихожей.

— Эвелина.

— Давно себе такое имя придумала? — хмыкнул он.

— Меня так зовут, хотите, паспорт покажу?

— Хочу.

Веля сунула ему в нос свой паспорт.

— Ну ваще... класс! — выдохнул неверующий фотограф, изучив все его страницы. — Эвелина! Готовый псевдоним для модели... А меня Иннокентий... Можно Кеша и на «ты».

— Очень приятно, — буркнула Веля.

А Кеша тем временем нырнул в комнату и крикнул уже оттуда:

— Иди сюда! Сейчас фотографироваться будем...

Веля проследовала за Кешей в пятнадцатиметровое помещение, уставленное диковинной аппаратурой.

— Это моя студия, — сказал Кеша, кидаясь к треноге, на которой был закреплен фотоаппарат — Я сейчас ищу новое лицо. Те девушки, которых все снимают, до того похожи, что смотрятся как сестры... Банальные красотки всем надоели. Посмотри, что на Западе творится. Евангелиста, Терлингтон, Кэмпбелл — они небезупречны, но как хороши! Линда вообще не женщина, а сказка! В жизни такая никакая, но на фото... Богиня! — Кеша выставил свет, приладил какие-то зонтики, очень похожие на те, с которыми старушки ходят летом, чтобы спрятать свои морщинистые лица от солнца. — А у меня сейчас заказ от фирмы, производящей бижутерию и прочие аксессуары... Побрякушки у них экзотические: всякие перья, железяки витые, куски кожи. Их должна рекламировать особая девушка. Непохожая на всех... — Он указал Веле на стул, стоящий в центре освещенного пятачка: — Садись.

Она села.

— Я сейчас «Полароидом» щелкну, чтоб на пробу... Потом посмотрим, стоит на тебя пленки тратить или нет. — Он вскинул фотоаппарат. — Распусти волосы, прими непринужденную позу... Так. Не улыбайся, только приоткрой рот...

Веля сделала все, как велели. Послышался щелчок, затем вжиканье — это выехал снимок. Спустя минуту раздался недовольный Кешин голос:

— Так я и знал...

— Что? Плохо? — взволнованно спросила Веля.

— Отвратительно, — отрезал он. — Может, дело в цвете волос, ты же брюнеткой была... Или в макияже... Сейчас проверим...

С этими словами он бросил в руки Эвелины косметичку и скомандовал:

— Накрасься, как в прошлый раз, а я пока тебе парик найду.

Веля быстренько «нарисовала лицо», а Кеша, не нашедший парика, натянул ей на голову черную шляпу. После этого он отошел на шаг назад и придирчиво осмотрел потенциальную модель.

— Уже лучше, — резюмировал он. — Но женщина с таким чувственным лицом не может иметь нулевой размер. — Он кивнул Веле: — У нас ведь нулевой?

— Первый, — обиделась она.

— Не надо себе льстить, девушка. Нулевой!

— Я лучше знаю какой. Я же себе лифчики покупаю, а не вы!

— Ладно, без разницы. Нам нужен минимум второй. Силикончику бы тебе закачать...

— Поролон — силикон для бедных, — процитировала Веля коллегу. — Рекомендую... — И, вытащив из-под бретелек лифчика плечики, засунула их в чашечки.

— Отличненько! — обрадовался Кеша. — Теперь можно снимать!

И фотосессия началась!

\* \* \*

Вновь с Кешей Веля увиделась спустя неделю.

— Как дела? — спросил он, влетев в магазин и остановившись у прилавка, за которым Эвелина стояла.

— Нормально, — сказала она, пожав плечами. — А у тебя?

— А у меня отлично! — Кеша зачем-то схватил ее за плечи, притянул к себе и смачно чмокнул в губы. — У тебя, между прочим, тоже! Скоро ты станешь богатой и знаменитой! Тебя выбрали из сотни других девушек. С тобой хотят заключить контракт! Ты станешь новым лицом фирмы «Чанг», фирмы, которая производит самую модную бижутерию и открывает в Москве свой первый магазин. — Он возбужденно потер руки. — Так что пиши заявление об уходе.

— Но зачем же сразу уходить? Разве нельзя сниматься без отрыва от работы? Я могла бы приходить в твою студию в свои выходные...

— Нет! Мы не можем тратить драгоценное время на всякую ерунду! Тебе двадцать один, это очень много. Некоторые в этом возрасте уже заканчивают. А ты начинаешь, у нас каждый день на счету! — Он кинул ей ручку. — Пиши, ты не пожалеешь! Завтра у тебя начнется новая жизнь!

Она накорябала (руки безбожно тряслись) заявление об уходе, обалдевшая Маргарита его тут же подписала. И Веля ушла из магазина, чтобы никогда туда не возвратиться.

На следующий день новая жизнь действительно началась. Причем с еще одной Велиной подписи — на контракте, согласно которому Иннокентий Сидорович Станков становился ее продюсером.

— Я тиран и деспот, — сразу предупредил он. — Я буду контролировать каждый твой шаг, но знай, что это только для твоего блага. У нас общая цель — сделать тебя БОГИНЕЙ, а для этого надо много работать и слушать дядю Кешу.

Она была согласна и на то и на другое, уж очень хотелось стать БОГИНЕЙ.

\* \* \*

Съемки для «Чанга» начались через неделю. Прошли они без особых проблем, так как Кеша в студию не допустил ни единого человека (даже свет выставлял сам), парик-

махеры и стилисты готовили модель в отдельной комнате, на съемочную площадку им вход был заказан. Делалось это не только для того, чтобы лишний раз не нервировать Эву, но и по другой причине — Кеша боялся, как бы посторонние не заметили ее неопытности. Он раззвонил всем о том, что Эва два года проработала в Бразилии, имела там огромный успех, а в Россию приехала лишь из любви к нему, Иннокентию Станкову, и фирме «Чанг».

На самом же деле Кешу раздражала неопытность модели. Он то и дело покрикивал на нее, обзывал «коровой», а иногда бросался к ней, дабы поставить ее так, как ему хотелось и как она сама встать не могла.

— Запоминай все, что тебе говорю, — твердил он, щелкая фотоаппаратом. — Запиши, если память дырявая, и выучи, как Талмуд...

— Как я запишу, если я позирую?

— Сделай это после съемки... Возьми тетрадочку, ручечку с двумя пастами, одной будешь писать, другой подчеркивать... И не сиди так! — кричал он, забыв о спокойном учительском тоне. — У тебя нулевой, а ты еще сугулишься! Грудь вперед, и сожми немножко ее предплечьями, чтоб ложбинка появилась... Вот так! А лицо запрокинь. Помни, с таким носом, как у тебя, нельзя опускать подбородок! Вспомни фотографии Марлен Дитрих. Или Плисецкой. Эти женщины знали, как повернуться к камере, чтобы их носы казались греческими...

Эва послушно запрокидывала лицо, распрямляла спину, сжимала груди, но Кеша все не отставал:

— Не улыбаться! Рот приоткрыть, чтобы зубы поблескивали, и все! Когда ты лыбишься, у тебя кончик носа опускается, как у курицы, неужели ты этого не замечала? Стоп! Вот так замри! — Он истово жал на кнопку. — Отлично! Просто здорово! Когда ты злишься, ты становишься похожей на кошку! Я запомню это. Запомни и ты!